

ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ И РИТУАЛЫ

ЭО, 2015 г., № 3

© А.А. Багдасарян

ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ МЕСТ У АРМЯН НАГОРНОГО КАРАБАХА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Ключевые слова: локальные святыни, народная религиозность, религиозные практики, христианство, армяне, Нагорный Карабах.

Статья посвящена проблеме этнографического изучения религиозных практик армян Нагорного Карабаха на примере почитания локальных святынь. Рассматриваются понятия, связанные со святыми местами (т.н. “сурбами”), дается описание наиболее характерных памятников. Особое внимание уделяется значению подобных памятников и связанных с ними обычаев и обрядов в традиционной культуре, а также их современному бытованию.

Традиция почитания святых мест (т.н. *сурбов*) является частью комплекса обрядов, связанных с выражением духовных потребностей армян Нагорного Карабаха.

Исследователи, занимавшиеся и занимающиеся изучением подобных явлений, избирали разные стратегии – от рассмотрения традиционных верований вне контекста мировых религий (*Петрушевский* 1930; *Басилов*, *Кобычев* 1976, *Лисицян* 1992) до попыток представить весь комплекс религиозных воззрений и практик в качестве чего-то единого, включив их в контекст мировых религий и исследуя их “взаимоотношения” и взаимовлияния (*Панченко* 1998; *Бобровников* 2006; *Мороз* 2009: 23). Некоторые исследователи пытались найти источник традиции почитания внецерковных святых мест и природных объектов в самой христианской традиции (*Саакян* 1991; *Платонов* 2011) либо вовсе отойти от проблемы истоков и сконцентрироваться на значении и функционировании святых мест в определенном историческом и социально-политическом контексте (*Grant* 2011). Иногда сам материал задает определенную стратегию изучения религиозных практик или отдельных элементов, входящих в их состав.

Основным источником для этой статьи послужили полевые материалы автора. Информация собиралась в четырех районах Нагорного Карабаха: Аскеранском, Мартакертском, Мартунинском и Гадрутском – в июле–августе 2012 г. (ПМА: Нагорный Карабах, 2012 г.). Всего было описано 24 памятника, в имеющихся источниках и литературе удалось собрать сведения почти о двух сотнях сакральных объектов подобного рода.

“Сурб”: определение понятия и феномена

Согласно определению С.Д. Лисицяна, “сурб” (арм. սուրբ) – это святыня, такое место, “где сверхъестественные силы особенно охотно готовы выслушать и исполнить мольбы человека” (Лисицян 1992: 139). В народе также бытовало другое название подобных мест – “хач”, т.е. крест (арм. խաչ). Сурбом может быть природный или ландшафтный объект (горные вершины, холмы, деревья или рощи, родники), отдельно стоящие хачкары (стелы из камня с резным изображением креста), часовни, церкви, монастыри, очаги в домах больших и зажиточных семей. Как правило, святыням приписывалась целительная сила, нередко они имели четкую “специализацию” (например, способность исцелять глазные или кожные болезни, бесплодие). Сам термин “сурб” был заимствован исследователями у носителей традиции.

Зачастую понятие святости того или иного места не было четко выражено, только иногда, как отмечал С.Д. Лисицян, в памяти народа сохранялось представление о связи этих мест со святыми или мучениками. В таком случае они носят название “нахатак”, т.е. мученик (арм. նահապետիկ) (Лисицян 1992: 145). По наблюдениям исследователя, подавляющее большинство подобных памятников не были отмечены влиянием христианства, только изредка рядом с ними встречались грубое изображение креста на камне или небольшие алтари. Об отсутствии христианской символики у святилищ пишет и И.П. Петрушевский, занимавшийся полевыми исследованиями в Карабахе в конце 1920-х гг. С его точки зрения, такие святилища – признаки общего для народов Кавказа земледельческого культа (Петрушевский 1930: 19). По характеру взаимоотношений с христианством Петрушевский делит все подобные памятники на три категории: а) не имеющие “никаких внешних знаков церковного культа”; б) те, чья “дохристианская основа” очевидна, хотя церковь и пытается устраивать там богослужения; в) сурбы при церковных святынях либо охристианенные довольно давно, где в отправлении культа участвовала церковь, хотя сам культ изначально носил смешанный характер (Там же: 20). Очевидно, что сейчас такая классификация по принципу взаимоотношений с “церковным” христианством уже устарела в силу изменения общего контекста существования традиции. Отправление служб священником рядом с сурбами стало достоянием прошлого. Вместе с тем встречаются памятники, в чьем облике христианская атрибутика, за исключением свечей, до сих пор отсутствует.

Мнения о сущности сурбов в историографии разнятся. Одни исследователи склонны были интерпретировать традицию почитания святых мест как наследие язычества (Лисицян 1936, 1992; Петрушевский 1930) и доказательство слабой укорененности христианства в народной среде. А.С. Саакян, не отрицая влияния многих языческих традиций, указывает, тем не менее, что почитание подобных святых мест имеет непосредственную связь с христианством: “народ, формально обратившийся в новую веру, лишь тогда становится по-настоящему христианским, когда приписывает местным святыням божественные функции, носителями которых некогда были его дохристианские боги и которые жизненно необходимы для незаблемости трудового и духовного ритма данного коллектива” (Саакян 1991: 62). В таком случае местные святыни «представляли уже как локальные “варианты” Христа. В жизни земледельческой общины они приняли на себя фактически все те функции, которые в более образованной христианской среде приписывали Христу» (Там же). Любопытно в этом смысле отношение современных жителей Карабаха к “своим” святыням: сурб определенного селения воспринимается как его покровитель, к которому обращаются за помощью в сложной жизненной ситуации. Если сурб того или иного села знаменит за его пределами, жители им гордятся. Почтительное отношение к сурбам демонстрируют даже те люди, которые не посещают церковь (по собственному выражению, “не верят церкви”) либо называют себя неверующими.

Важно, что объектом почитания является не сам по себе материальный предмет (хачкар, камень, дерево, родник), а обитающий в нем святой (*Антонян* 2012: 445), вообще же “домашние святилища часто образуются на месте, где хранятся атрибуты, увязываемые с христианской символикой (кресты, предметы церковной утвари), а также рукописные священные книги – Евангелие, Библия, Нарек” (Там же). Реальные памятники подтверждают эту мысль: у сельских *сурбов* можно встретить множество подобных предметов. Хачкары присутствуют почти всегда. Иногда это фрагменты хачкаров или резного декора, каменных плит, надгробий. Почти везде можно встретить предметы, прямо или опосредованно связанные с христианством (распятия, иконки, подсвечники и т.п.), следы сгоревших свечей как наиболее распространенного типа votивных предметов. У *сурбов* оставляют ленты, лоскуты ткани, платки.

Чаще всего *сурбы* располагаются за пределами селений, но вполне могут находиться и в их пределах. Расстояние от границы села до *сурба* варьирует от нескольких километров до нескольких метров. В Карабахе нельзя однозначно говорить о “вытеснении” святых мест за границы “окультуренного” пространства, отмеченном некоторыми авторами применительно к Армении (*Барсемян, Мелконян* 1983: 130–132). То или иное положение *сурба* в пространстве поселения и его окружи может быть обусловлено такими причинами, как разрастание села и расширение его границ (тогда святины может оказаться на территории села) или перенесение его на новое место (в таком случае расстояние может оказаться весьма значительным).

Исследователи по-разному смотрели на возможность классификации памятников: от поисков единой стратегии в исследовании культовых объектов подобного типа (*Курбатов* 2002) до индивидуального подхода к каждому памятнику (*Платонов* 2011: 131). Изучение памятников на территории Нагорного Карабаха не дает на данном этапе оснований для сколько-нибудь четкой классификации этих сакральных объектов.

Среди изученных есть простые *сурбы*, состоящие из одного-двух хачкаров или даже вовсе без них (*Пир-баба* и *Гузэ-бах* в с. Шехер, *Цилтахач* рядом с с. Тох, *Сурб Ванес* на окраине с. Азох) и целые комплексы, чей ансамбль складывался и менялся в течение длительного времени (*Егиша кус* в Маргунинском районе, *Нахатакуи* в с. Пирджамал [ныне – Вардазор], *Сурб Сарибек* в с. Дашушен). Они отличаются и по времени возникновения (конечно, если его вообще возможно определить). Существуют как претендующие на древность (*Астхаблур* в с. Атерк), так и возникшие относительно недавно (*Сурб хач* в с. Шош) *сурбы*. Изученные памятники отличаются друг от друга и значимостью: от широко известных за пределами села до локальных святинь; существуют как “угасшие”, так и “действующие” святые места. Встретился и один весьма редкий пример – домашняя святина в с. Пирджамал Аскеранского района, возникшая вокруг случайной находки, о которой будет сказано чуть ниже.

Примером памятника, представляющего собой обширный комплекс, состоящий из небольшой однефной церкви без купола и прилегающего к ней кладбища, является *сурб Егиша кус*, или *Святой девы Егише* (арм. Եղիշի Վրժիշտի տաճար), находящийся на высоком холме за селом Сос Маргунинского района (рис. 1). Епископ Мака́р Бархударя́нц, исследовавший практически всю территорию Карабаха в конце XIX в., упоминал, что “под главным куполом [церкви. – А.Б.] находится небольшая могильная абсида, вход в которую открывается со стороны хоров. Это и есть могила святой девы Егише, считающаяся знаменитым святым местом, куда приходит множество паломников” (*Бархударя́нц* 2009: 109).

С.Д. Лиси́ян называет деву Егише мученицей, которую в народе было принято называть “аракел”, то есть апостол (*Лиси́ян* 1992: 146). Ш. Мкртчян датирует этот памятник XVII в. Однако на его месте, насколько можно судить по одной из надписей, “существовала одна из известных святинь края”, на месте которой и возникла существующая поныне постройка. Ш. Мкртчян указывает, что в Армении “обычай

Рис. 1. Сурб Егиша кус. Общий вид. Фото автора, 2012

помещать могилы святых под алтарем церкви был распространен только в первые века христианства” (Мкртчян 1988: 126). Возможно, дева Егише является местной святой, но современные жители Соса уже не могут рассказать, кем она была и когда жила.

Егиша кус активно посещается и сейчас. Стены церкви изнутри почти полностью покрыты надписями, иногда даже в несколько слоев – именами паломников и/или датами посещения. На алтарном возвышении вплотную к стене абсиды установлены двухчастный хачкар с датой “2000”, оставлено множество приношений. Стены и ниши закапаны воском сторевших свечей. Снаружи, справа от входа в церковь на дереве подвешены головы и ножки животных (баранов, козлов) и птицы (петухов) – все это следы недавнего или относительно недавнего матаха (жертвоприношения) и непременный “атрибут” *сурба*. На территории вокруг церкви сооружено несколько импровизированных мангалов. Зачастую они ставятся прямо на земле и представляют собой параллельно уложенные бетонные балки.

Сурб Вынныһэтер, т.е. “Следы ног” (арм. Վննիհետեր), расположенный на холме примерно в 200 м от с. Колатак (Мартакертский район) – пример типичного облика *сурба*. Он представляет собой вертикально установленный у дерева на невысоком холме хачкар, который справа и слева окружают фрагменты хачкаров, резного декора и камни. Центральный хачкар – это плита неправильной трапециевидной формы с низкорельефным изображением креста в центре. С обратной стороны за деревом лежит камень округлой формы с углублением в центре, напоминающим след от ноги. Благодаря ему этот памятник и получил свое название. Существует поверье, что если налить в этот след воду и затем выпить ее, то можно излечиться от страха. В списке памятников Мартакертского района *Вынныһэтер* датируется XII в., очевидно, по хачкарам (Список памятников 2011б: 83). Ш. Мкртчян датирует хачкары XIII в. (Мкртчян 1988: 25). Среди представителей молодого поколения жителей Колатака уже далеко не все знают это место и могут показать к нему дорогу – мне не сразу удалось найти

того, кто знал, как туда добраться. В Колатаке сохранилось множество интересных хачкаров разного времени, они установлены на улицах села, прислоненные к стенам различных построек. Таковы, например, хачкары XIII в., стоящие у торцевой стены местного клуба, так называемые “клубные”. На них тоже можно увидеть сгоревшие свечи и следы воска, что свидетельствует о том, что хачкары воспринимаются как сакральный объект независимо от своего месторасположения.

Датировка памятников изучаемого типа зачастую является затруднительной. Как правило, в литературе датировка дается по хачкарам. Но наличие хачкара вовсе не означает, что он находился там всегда или что данное место стало *сурбом* тогда же. В этом и заключается одна из важных проблем в исследовании темы – сложность определения возникновения *традиции* почитания конкретного места, момента, когда оно стало *сурбом*. Народная память, как правило, относит это событие к некоему условному давно или не очень давно прошедшему времени. Тем не менее встречаются исключения, когда, основываясь на рассказах местных жителей, можно приблизительно определить время возникновения традиции.

Примером может служить святыня *Сурб хач* (арм. Սուրբ Խաչ) в с. Шош Аскеранского района. Согласно рассказам местных жителей, она появилась в середине прошлого века стараниями жителя села Сеина, который принес на это место несколько хачкаров, спасенных им при разорении кладбища. Под таким названием этот *сурб* не упоминается в литературе. Однако есть основания предполагать, что *Сурб хач* и упоминаемый в списке памятников *сурб Прхканут* (арм. Փրխկանութ) – это одно и то же место: последний датируется 1893 годом, фрагмент надгробия с такой же датировкой есть и у первой святыни (Список памятников 2011а: 65). Как видно из этого примера, датировка хачкаров и фрагментов надгробий не может служить четким основанием для определения времени появления памятника.

Сурб хач представляет собой группу хачкаров, фрагментов надгробий и отдельных каменных плит (очевидно, разного времени), образующих своеобразный алтарь с фронтально поставленным хачкаром в центре и двумя нишами по бокам от него. Сверху эту конструкцию венчает жестяная двускатная крыша с крестом (рис. 2). Алтарь “приставлен” к двум огромного размера природным валунам. В двух его боковых нишах можно увидеть стандартный набор votивных предметов: восковые свечи, кресты, медальоны. Там, как и у каждого *сурба*, можно увидеть множество спичечных коробков: считается, что спички, которыми зажгли свечи возле святыни, следует там же и оставить. *Сурб* находится в ограде в пределах села, расстояние до ближайших домов составляет всего несколько метров.

Опираясь на сведения источников и историографии и сравнивая их с полевыми материалами, можно установить, что многие известные по дореволюционным источникам *сурбы* ныне забыты, и их уже можно рассматривать как памятники историко-культурного значения. Эту мысль может проиллюстрировать *сурб Нахатак* (арм. Նահաթակ), т. е. “мученик”, расположенный на расстоянии примерно трех километров от с. Члдран Мартакертского района в местности Ахперкан (*Мкртчян* 1988: 30). Встречается также название *Ахперкани нахатак*, т. е. Ахперканский мученик, или мученик из Ахперкана. В списке памятников *Нахатак* датируется XIII–XX вв. (Список памятников 2011б: 52). Он представляет собой небольшую однефную церковь, которая окружена обширным кладбищем.

Сейчас *Нахатак* находится на значительном расстоянии от села – около 3 км. Однако так было не всегда. До 1933 г. Члдран находился вблизи этого места. Затем село было разрушено и перенесено на новую территорию, в паре километров от прежнего участка. Моим проводником был местный уроженец 1930 г., заставший Члдран на его старом месте. Недалеко от *Нахатака* похоронены его родители. Абсолютно забытым это место пока не назовешь: у входа в церковь мы увидели недавно оставленные пестушиные голову и лапки – следы матаха. Этот же информант вспоминал, что кроме

Рис. 2. Сурб хач. Общий вид центральной части. Фото автора, 2012

армян в советский период *Нахатак* посещали греки (в Мартакерте расположено греческое село Мехмана). Перед входом в церковь протоптана небольшая площадка, восточный же торец практически врос в землю.

Пример *сурба Нахатак* показывает, что традиция почитания того или иного места не существует непрерывно. Причем причины утраты статуса святости могут быть весьма прозаичными, вроде дальнего расстояния, сложности пути и простого отсутствия необходимости. *Нахатак* еще не забыт полностью, однако сейчас в Члдране о нем почти не знают, к тому же до него непросто добраться. Данный пример показывает, что *сурбы* – довольно “уязвимый” тип памятников, они забываются, иногда переносятся на новое место, а перестав быть святые, могут исчезнуть.

К числу широко известных и в определенном смысле показательных памятников относится *Сурб Срабек*, или *Сарибек* (арм. Սուրբ Մարիբեկ կամ Սարիբեկ) в с. Дашушен (ныне – Карашен) Аскеранского района (рис. 3). В изученной литературе и источниках это место упоминается чаще всего.

М. Бархударянец упоминает, что это место

...посвящено мученику и находится на северной окраине села. По рассыпавшимся камням видно, что некогда здесь находилась часовня, построенная над могилой мученика, ныне полностью развалившаяся. Сейчас здесь <...> сложен сухой кладкой квадрат из стен, внутри которого поставлен средней величины древний каменный крест, прислоненный к стволу дерева. Местом паломничества является именно этот крест, а паломников и зимой, и летом всегда много, особенно из Шуши, который находится неподалеку. Особенно славится своим вкусом вода родника Срабека, рядом с которым построено несколько помещений для паломников (*Бархударянец* 2009: 119).

Протоиерей Егише Гегамянц (Айкуни) в своих “Путевых заметках”, написанных по следам путешествия 1880-х гг., указывает, что люди приходили сюда не только по праздникам, но и по воскресным дням, зажигали свечи и курили ладан. По его словам, число паломников, посещавших *Сурб Сарибек*, было весьма велико, а количество

Рис. 3. Сурб Срабек (Сарибек). Фрагмент центральной части.
Фото автора, 2012

принесенных здесь в жертву ягнят и баранов доходило до восьмисот в год. При *сурбе* был священник, собиравший пожертвования (*Айкуни* 2010: 25).

Согласно расхожей легенде, которую пересказывают и в селе, *Сурб Сарибек* возник на месте гибели мусульманина, обратившегося в христианство и убитого за это своими соплеменниками. Здесь же, согласно легенде, погибла и его сестра. Святой получил прозвище *Срабек*, то есть убитый, заколотый мечом (арм. սրով բեկված), бытует и вариант названия *Сарибек*.

И.П. Петрушевский излагает легенду в несколько иной редакции. Согласно его сведениям, Сарибек жил во времена походов Тимура. Он погиб на месте нынешнего *сурба*, защищая сестру, которую пытались похитить и обесчестить завоеватели. Его этническая и конфессиональная принадлежность не была точно известна. Люди об этом чаще всего не помнили, некоторые из опрошенных И.П. Петрушевским местных жителей рассказывали, как и сейчас, что Сарибек был мусульманином. Исследователь упоминает, что до революции на месте *сурба* существовало «постоянное дежурство армянских священников для совершения молебнов и сбора пожертвований». В период, когда И.П. Петрушевский там побывал (конец 1920-х гг.), подобная практика уже прекратилась.

В описании И.П. Петрушевского упоминается, что напротив *сурба* существовала «целая группа священных деревьев, очень почитаемых; сок их, как уверяют, помогает от парши. На них немало тряпочек». Рубить здесь деревья строжайше запрещалось, но, как сообщает исследователь, в 1928 г. был зарегистрирован первый случай порубки деревьев на этом месте. Он также упоминает, что к северу от святыни находится нагромождение природных валунов, между которыми образован узкий проход. Считалось, что если пройти через него, можно излечиться от коклюша.

До революции и некоторое время после, как сообщает И.П. Петрушевский, на этом месте массовые жертвы приносились по воскресеньям, когда возле *сурба* собиралось по 50–60 человек. Больше всего людей приходило на Вардавар (Преображение Господне), так, в 1928 г. в этот день святыню посетило около 300 человек. Единичные жертвы могли совершаться в любой день недели (*Петрушевский* 1930: 23–26). Следов существования на этом месте церкви И.П. Петрушевскому обнаружить не удалось.

В.А. Петров посетил этот *сурб* в ходе своих экспедиций 1934–1937 гг., заинтересовавшись изучением культа деревьев. Он застал некоторые изменения во внешнем облике памятника – каменное ограждение к тому времени было разобрано (Петров 1940: 53). Можно предположить, что до недавнего времени оно не восстанавливалось.

Жители Дашушена рассказывают разнообразные истории, основной сюжет которых – чудесная помощь *Сурб Сарибек*а либо наказание за непочтительное отношение к святыне. К первой группе относятся рассказы об исцелении от тяжелых болезней или от бесплодия. Люди верят, что если ребенок долго не начинает говорить, его следует три раза провести внутри “пещерки”, образованной нагромождением камней позади *сурба*, этот же ритуал следует совершить желающим исцелиться от болезней, страха, бесплодия. Наказание постигнет человека, который унесет с собой что-либо из оставленных здесь приношений (или что-нибудь, что “принадлежит” *сурбу*). Это представление является универсальным и касается всех сакральных объектов этого типа.

О большом значении этого места говорит тот факт, что каменное ограждение *сурба* было восстановлено за счет государства, а он сам признан охраняемым памятником истории и культуры. В мой предыдущий визит (2009 г.) этого ограждения не было (едва угадывались руины старого), а местность вокруг была более запущенной. Современное ограждение соответствует старому описанию И.П. Петрушевского, сохранилось и террасное внутреннее устройство. Ограждение делит внутреннюю часть святыни на два “отсека”. Первый, больший по размеру, заключает в себе собственно *сурб* – группу хачкаров и поднозов для свечей, сгруппированных вокруг дерева. Чуть выше расположен “пещерка” из нагромождения камней, которая полна различных votивных предметов, иконок и свечных огарков. Местные жители затрудняются назвать время возникновения этого *сурба*. Кто-то называет даты XVI–XVII вв. либо возраст примерно в 300 лет. Некоторые вспоминали, что этот *сурб* возник прежде села. В списке памятников эта святыня датируется XVI–XVII вв. (по хачкарам), родник датирован 1861 г. по наиболее ранней плите с памятной надписью донатора (Список памятников 2011а: 17–18).

В годы карабахского конфликта *сурбы* приобрели новую функцию. Один из участников карабахского движения, Мурад Петросян, в 1989 г. приводил к *Сурб Сарибек*у людей из своего отряда для принесения присяги. Считалось, что *сурб* обеспечит им свое покровительство и спасет от смерти. Другой участник движения, Самвел Агаян, совершил к нему пешее паломничество после успешного штурма Шуши в мае 1992 г. Похожие рассказы можно услышать не только об этом месте, но и о других *сурбах*: жители того или иного селения считают “свою” святыню покровительницей. В случае с *Сурб Сарибек*ом это не только люди из близлежащего села, но и из Шоша, Шуши. Интересно, что жители Дашушена чаще посещают другое место, расположенное на холме за селом. Это *сурб*, который принято считать могилой сестры Сарибек. Он имеет характер локальной святыни и в литературе не упоминается. По словам гюхапета (главы сельского муниципалитета) Дашушена, жители совершают здесь общий матах каждый год в субботу или в воскресенье. Такое предпочтение сложно объяснить. Возможно, оно связано с тем, что эта святыня является “достоянием” только жителей села и практически неизвестна за его пределами (ПМА: с. Дашушен, 16.08.2012 г.).

В ряду подобных памятников *Сурб Сарибек* заметно выделяется: сейчас это охраняемый государством памятник истории и культуры. Кроме того, местные жители, и прежде всего гюхапет, заботятся о поддержании чистоты и порядка на территории святого места, оберегают его историю, стремясь к тому, чтобы этот памятник сохранял “образцовый” вид.

Сурбом может стать как искусственно созданный, так и необычный природный объект. Примером может послужить 2000-летний платан (чинара), находящийся недалеко от села Схторашен. Он имеет значение не только культовое, но также истори-

ческое и природное. Платан внесен в реестр памятников и охраняется государством. С.Д. Лисицян сообщает, что дерево почиталось местными жителями, “при всякой беде сюда собирались молиться и прикрепляли зажженные свечи к его коре и в дупле” (*Лисицян* 1992: 143); дупло площадью 44 кв. м образовалось в результате удара молнии. Ш. Мкртчян тоже сообщает о том, что карабахцы почитают это дерево как святыню (*Мкртчян* 1988: 139). В конце 1980-х гг. территория рядом с платаном была превращена в зону отдыха. Недавно вокруг чинары построили новую ограду, на прилегающей территории во время моего визита шли работы по благоустройству. Платан является известным туристическим объектом и привлекает множество людей как своей древностью и уникальностью, так и тем, что, согласно расхожей исторической легенде, “под сенью этого векового дерева отдыхали выдающиеся люди нашего прошлого – Месроп Маштоц, Мовсес Хоренаци (V в.), Мовсэс Каланкатуаци (VII в.), Саят-Нова (XVIII в.), Раффи, Лео (XIX–XX вв.) и многие другие” (Там же). Дерево и сейчас считается святыней. Об этом можно судить по оставшимся на ветвях после матаха головам и ножкам животных. Внутри дупла установлен подсвечник, а на ветвях завязано множество лент, лоскутов и платков. Надо отметить, что организация своеобразной зоны отдыха рядом с *сурбом* – это распространенное явление. Нередко рядом с ним на средства кого-то из жителей или выходцев из села обустраивается павильон: большая крытая беседка со столом и скамьями, как правило, рядом есть мангал. Иллюстрацией служат *сурбы Кахан* (с. Нор Драгтик, Гадрутский район), *Гузе бах* (с. Шехер, Мартунинский район), *Воске хач* (с. Гиши, Мартунинский район). В с. Пирджамал Аскеранского района мне встретился уникальный пример домашней святыни в доме местного жителя Григория, который сам там сейчас не живет – он переехал в г. Аскеран, где преподает математику в средней школе. В 1987 г., укрепляя фундамент бани во дворе, члены его семьи обнаружили два камня в виде наклоненных друг к другу голов венчающей пары, подобные которым можно увидеть в трапезной монастыря Амарас в Мартунинском районе – одного из самых известных монастырей Карабаха. Как они оказались на сельском участке, установить затруднительно, однако примечательнее всего то, что у себя во дворе члены этой семьи устроили, как сказал сам Григорий, своеобразный “святой уголок”, в центре которого поместили находку (рис. 4).

Во время карабахской войны дом был почти полностью разрушен, но Григорию удалось отстроить его заново. Вернулся на свое место и “святой уголок”. Сейчас

Рис. 4. Домашняя святыня в с. Пирджамал. Фото автора, 2012

между этими камнями стоит чаша с землей для свечей. На правом камне вырезан год “1822”, на обоих – резные орнаменты и изображение креста. Амарасский памятник не имеет каких-либо резных изображений или орнаментов. Очевидно, сходство с ним и придает находке в Пирджамале тот ореол святости, который позволил превратить камни в домашнюю святыню.

Почитание святых мест как элемент традиционной культуры и современных религиозных практик

Среди обычаев, связанных с почитанием святых мест, в первую очередь следует рассмотреть матах (арм. մատախ), благотворительное жертвоприношение, являющееся частью канонических традиций Армянской Апостольской Церкви. Его возникновение принято связывать с деятельностью Григория Просветителя, который, не сумев искоренить эту традицию в народе, придал ей официальный характер, установив, что “животные, приносимые в жертву Богу либо даруемые святым или же в память об усопших, без соли благословения подобны жертвам язычников” (*Гандзакеци* 1976: 47). В этом ключевой момент матаха – священник не благословляет животное на заклание, но сами совершающие матах дают животному немного соли, освященной в церкви наложением креста, а также солят ею мясо во время приготовления.

Церковь обосновывает матах как благотворительный жест, в этом его отличие от языческих или ветхозаветных жертвоприношений. Матах не обязательно должен выражаться в заклании животного, в качестве благотворительной жертвы может выступать специально испеченный хлеб, который следует раздать бедным (или раздать в определенное количество домов), или пара голубей, которых полагается выпустить на свободу. Однако наиболее распространенное выражение матаха – это заклание животного, непременно мужского пола, здорового и без физических недостатков. Обычно это баран или петух, реже – бык. Заклание животного может совершаться вблизи церковной ограды у крестов или в специальных местах, то есть у *сурбов*. Делать это может только мужчина, но не священник. Согласно традиции, все мясо полагается раздать: в 40 домов – если это бык, в 7 – если баран и в 3 дома – если петух. Мясо следует раздавать сваренным либо сырым и завернутым в лаваш. Внутренности и голову положено закапывать, чтобы они не стали добычей диких животных. Матах запрещается осуществлять в постные дни: по средам, пятницам и во время многодневных постов, а мясо животных не должно использоваться в качестве пиршественной трапезы семьи, устроившей жертвоприношение.

“Частный”, или семейный матах может совершаться по большим праздникам, по обету, а также по особым случаям, как-то: болезнь или исцеление кого-либо из членов семьи, благополучное разрешение сложной жизненной ситуации, уход в армию или возвращение домой после службы и т.п. Общественный матах – это жертвоприношение, организованное, например, жителями целого села к большому празднику – к Пасхе, Вардаварау (Преображение Господне), Успению или же приуроченное к обстоятельствам, имеющим значение для всего коллектива, таким как засухи или неурожай. Семейный матах чаще всего сопровождался закланием барана, а общественный, т.е. общесельский, – нескольких баранов или быка, который должен был быть непременно темного цвета, желателен черного (*Арутюнов* 2006: 15).

Как уже говорилось, матах мог совершаться неподалеку от церкви, чаще всего это старая церковь или часовня, или же у святынь. В этом одна из важных функциональных ролей последних, о чем красноречиво свидетельствует их облик. В случае совершения матаха у *сурба* жертвенное животное полагается обводить вокруг святыни по ходу солнца три или семь раз (точно так же, как и вокруг церкви или часовни). Существовал и существует строгий запрет на приготовление шашлыка из мяса жертвенного животного, такое мясо полагается только варить. На этом список предписаний и правил

не исчерпывается. Однако описанные выше “каноны” зачастую сильно расходятся с действительностью. Если, к примеру, согласно церковным правилам жертвенное мясо нельзя жарить, то в Карабахе из него часто готовят шашлык; кровью жертвенного животного запрещается мазать лоб, что на практике встречается повсеместно.

Говоря о жертвоприношении, нельзя не упомянуть еще об одной его разновидности. Когда человек посещает святое место, он оставляет там, кроме свечей, различные предметы – количество таких вещей, принесенных в разное время, может быть очень велико (кресты, распятия, хачкары, статуэтки, иконки, деньги, лоскуты ткани, ленты или платки и пр.). Все это тоже является жертвой и связано с традицией *ex-voto*, или votивных предметов. В селах, где мне приходилось бывать, люди настаивали на том, что при посещении *сурба* крайне желательно что-нибудь там оставить, хотя бы только свечи.

В прошлом большие церковные праздники в Карабахе сопровождалась паломничеством к наиболее почитаемым святыням. Такие богомолья могли быть необычайно массовыми и сопровождалась совершением жертвоприношений. Завершались они веселыми многодневными гуляниями. Сейчас можно смело утверждать, что массовые паломничества и празднества подобного рода с участием сотен людей ушли в прошлое.

Существовало и существует до сих пор представление о том, что помощь той или иной святыни можно получить, только если принести жертву. Например, Г. Израелов в описании села Касапет (Кусапат, Мартакертский район) упоминает о существовании почитаемого родника *Егин-агбюр*. С ним было связано интересное предание:

... в былое время ежегодно к этому роднику приходил олень и ложился у родника; местные крестьяне резали его и делили мясо между собой поровну, как жертву, посланную Богом; раз, когда по обыкновению пришел олень к роднику “Егин-агбюр” и стал пить из него воду, некоторые из крестьян бросились на оленя, не дав ему лечь <...>; олень убежал по направлению к лесу, но крестьяне догнали его и убили выстрелом из ружья, а мясо его не разделили между всеми сельчанами, как это делалось раньше; с того времени Бог перестал посылать оленей к роднику. По народному преданию, вода родника “Егин-агбюр” лечит глазные болезни; только для этого нужно больному зажечь у родника восковые свечи или принести жертву (*Израелов 1892: 47–48*).

Подобные легенды о самостоятельном приходе жертвы к месту заклания не являются уникальными и встречаются на Кавказе и за его пределами. Некоторые исследователи связывали их с охотничьими культами (*Басилов, Кобычев 1976: 149–150*). Похожая легенда объясняла происхождение обряда Быкобой, который совершался в честь коми-пермяцкого праздника Проллавер (день св. Флора и Лавра). Схожие поверья были зафиксированы в XIX в. в Вологодской, Новгородской губерниях, на Русском Севере (*Пантюхин 2012: 86–87*).

Как заметил С.А. Арутюнов, жертвоприношение, а также образ жертвы, агнца, имеют большое значение в христианской символике. Это отражено как в ветхозаветной, так и в новозаветной традициях. Помимо этого существует “много свидетельств особого понимания овцы как символа почтения к Всевышнему” (*Арутюнов 2006: 16*).

Мне удалось побывать на матах в с. Шехер Мартунинского района, где его устраивал местный гюхапет для своей большой семьи у *сурба Гузе-бах* на окраине села.

Члены семьи гюхапета специально собрались все вместе ради этого события: многие приехали из Еревана, а также из других городов и сел. Всего присутствовало около тридцати гостей, взрослых и детей, в основном из Шехера. Гости и участники собрались к полудню. В качестве жертвы привезли барана и петуха, женщины принесли с собой заранее приобретенные свечи и освященную соль. В первую очередь вокруг дерева три раза по ходу солнца провели барана, затем одна из девушек три раза обошла дерево с петухом в руках. После этого барана закололи. Для разделки

его подвесили на соседнее, растущее справа, дерево. Этим занимались исключительно мужчины. Зарезанным петухом занялись женщины: они ошипали и разделали его, по традиции оставив перья на месте заклания. Другие женщины, а также дети и подростки в это время зажгли свечи и закрепили их в полости, образовавшейся в стволе дерева после удара молнии. Кровью принесенного в жертву животного взрослые в знак благих пожеланий помазали лоб детям и подросткам. Из мяса, а также внутренностей барана и петуха приготовили шашлык. На то, что такая вольная интерпретация правил встречается повсеместно, указывает тот факт, что почти у каждого *сурба* сооружен мангал. Считается, что надо использовать все части туши животного, годные для употребления в пищу.

Этот матах был не столько религиозным ритуалом, сколько поводом для членов большой семьи собраться всем вместе. Такое жертвоприношение можно рассматривать в качестве фактора, способствующего консолидации членов одного родственного круга или одного коллектива, а участие детей в таких событиях — в качестве примера передачи традиции совершения матаха, шире — традиций, связанных с сельскими святынями.

Мясо не раздавалось, но хозяин праздника, сказав, что оно должно быть разделено на семь домов, выразил надежду, что среди гостей за столом есть необходимое количество жителей таковых, поскольку считается, что в противном случае жертва будет неугодна. Матах завершился около четырех часов дня. Приехавшие из Еревана вернулись домой тем же вечером.

Место, где происходил этот матах, располагает к отдыху — это тенистая площадка с родником и оборудованной зоной отдыха. *Лузе-бах* — не только святыня, но и место, где можно провести семейный праздник или отдохнуть. Часто матах становится поводом для такого праздника. Точно так же семейное торжество или значимое событие может быть поводом для матаха. Хотя данный обряд понимается как вид обета или благодарности, это не только акт веры, но и дань традиции, которая передается из поколения в поколение.

Матах может сопровождать значимые события епархиальной жизни. 19 февраля 2012 г. состоялась церемония освящения новой церкви Сурб Аствацацин в с. Вагуас (Мартакертский район), которая строилась с 2007 г. Литургию вел глава епархии архиепископ Паргев (Мартиросян). Церемония завершилась тем, что присутствующим подали жертвенный обед (матах) во дворе церкви (В Нагорном Карабахе 2012). Матах сопровождал торжественное празднование 770-летия монастыря Гандзасар.

В свете вышеописанного обычая *сурбы* предстают не только как места отправления религиозных обрядов, но и как общественные центры, ведь и в прошлом “во многих случаях посещение культовых мест носило не столько религиозный характер, сколько являлось формой проведения досуга” (Мкртчян 2010: 125). Вместе с тем при отсутствии действующей церкви (к 1930 г. в Карабахе были закрыты все церкви, ранее многочисленные) в том или ином месте они могут становиться центрами реализации духовных потребностей населения, хотя я и не осмелюсь делать вывод, что на изучаемой территории святые места могли заменять церкви. Примеры такого “замещения” известны в других регионах: в северо-западных областях России “в послевоенные годы, когда количество действующих сельских храмов было невелико, для многих деревенских жителей местные святыни практически заменили церкви, к ним приходили молиться и даже крестить детей” (Панченко 1998: 77).

На данный момент сложно оценить, стало ли население Карабаха более воцерковленным с момента восстановления в 1989 г. Арцахской епархии ААЦ, прекратившей свое существование в 1930 г., ведь количество действующих на данный момент церквей невелико и не охватывает всей территории региона. Своеобразным было обращение к религии в период карабахского конфликта. Тогда восстановление Арцахской епархии стало одной из целей национального движения. Мы уже знаем примеры людей, которые

обращались к “своим” *сурбам* за благословением, отправлялись к ним в случае военных удач, просили у них защиты или приносили присягу. Вместе с тем моменты смертельной опасности в условиях вооруженного конфликта, когда судьба человека решалась в считанные секунды, способствовали пробуждению религиозных чувств, даже некоторой экзальтации, о чем свидетельствует в своем интервью глава епархии архиепископ Паргев (Пастырь Арцаха 2007). По его воспоминаниям, некоторые солдаты крестились прямо во время боя или на боевых позициях. Изображение креста использовалось в обмундировании и на военной технике. Эти же настроения выразились в активной поддержке восстановления епархии еще до начала боевых действий.

В большинстве сел Нагорного Карабаха церкви не только не действуют, но и находятся в неудовлетворительном состоянии, порой представляя собой руины. В таком случае восстановление позиций церкви – это не в последнюю очередь обновление церковных строений, что зачастую упирается в отсутствие материальных ресурсов. К примеру, действующего храма до недавнего времени (2005–2007 гг.) не было даже в столице Карабаха г. Степанакерте, а епархия не располагает достаточным количеством священников, чтобы охватить всю территорию. В недействующих церквях, как и у *сурбов*, можно увидеть предметы, связанные с церковным обиходом и культом – это кресты, распятия, миниатюрные иконки и хачкары. Обилие свечей, которые тоже можно рассматривать как *ex-voto*, говорит о том, что почти в каждой заброшенной церкви люди по-прежнему бывают. Но преувеличивать значение этого факта не стоит – скорее всего, такие посещения носят единичный характер. В подобных случаях люди также часто обращаются к *сурбам*.

Архиепископ Паргев достаточно энергично занимается восстановлением позиций церкви, уделяя внимание как церковному строительству, так и повышению уровня катехизации населения. Например, в г. Шуши действует центр христианского воспитания, который курирует деятельность воскресных школ, а также наблюдает за проведением занятий по религии в общеобразовательных школах – курсы христианского воспитания были введены в школьную программу в 1997 г. и являются обязательными.

Также нельзя утверждать, что церковь постоянно присутствует в жизни карабахских армян. Например, свадьба может справляться в соответствии с традициями, но обходиться без венчания. Описание такого свадебного обряда приводит в одной из своих работ А.Е. Тер-Саркисянц, основываясь на наблюдениях в с. Сос Мартунинского района (Тер-Саркисянц 2002: 130–132).

Есть еще один сюжет, о котором стоит упомянуть с связи с почитанием *сурбов*. Характерной чертой армянской религиозной культуры является культ креста. Он начал складываться в период раннего средневековья, а к VIII–IX вв. получил такое широкое распространение, что “церковь была вынуждена придать ему официальный характер и тем самым смягчить крайние выражения крестопоклонства” (Саакян 1991: 65). Стихийно формировавшийся в народе культ креста приобрел свои окончательные черты усилиями церкви. Почитание креста заменило собой почитание образов, а представление о камне как о “жилище” креста стало одним из истоков искусства изготовления хачкаров. Причем традиционно для этого вида искусства характерен иконографический тип процветшего креста, распятие встречается весьма редко. «Представление о камне как об обители креста не только помогало общине найти самую сакральную в данном жизненном пространстве точку, но и требовало воздвигнуть “обитель” в виде стелы, содержащей в себе священный крест, с которым навечно должна быть связана обрядовая часть культа креста (паломничество, жертвоприношение и т.п.)» (Там же: 66–67). На месте наиболее прославленных святынь в Средневековье возникали храмовые и монастырские комплексы. Это еще одно проявление участия церкви в оформлении культа креста. Под таким углом зрения сельские *сурбы* могут рассматриваться как одно из выражений этого культа. Отсюда и второе название святынь – *хач*, т.е. “крест”. Облик реальных памятников тоже подтверждает эту мысль – практиче-

ски всегда *сурб* содержит один или несколько хачкаров, иногда даже обломки разных хачкаров, сложенные в одном месте. По своему облику плиты с изображением креста весьма различны, встречается как примитивное исполнение, так и изящная сложная резьба. За понятием “*сурб*” может скрываться не только локальная святыня того или иного села. Крупнейшие храмы (Казанчецоц, или Аменапркич в г. Шуши) и монастыри (Гандзасар, Дадиванк, Амарас), которые активно посещаются местными жителями и туристами, особенно в дни крупных праздников (Пасха, Рождество), тоже считаются *сурбами*, но иного порядка.

Христианская или языческая сущность памятников подобного рода, которая становилась объектом интереса исследователей, не является предметом постоянной рефлексии армянских верующих. Традиция почитания локальных святынь – не только часть их религиозных воззрений, но и нечто, унаследованное от предков. В таком случае почитание *сурбов* является не только выражением веры, но и данью традиции. Дети, особенно живущие в сельской местности, с раннего возраста знакомятся с окружающим ландшафтом, частью которого являются *сурбы*. Тем же путем, надо полагать, идет усвоение сопутствующих святыням нарративов, поверий и ритуалов.

Нет сомнения, что некоторые религиозные практики в пору своего зарождения впитали множество черт дохристианских верований. Сохранение таких обрядов, как матах, зажигание костров на Сретение (Дерендез) и других свидетельствует о том, что армянская церковь не только боролась с дохристианскими традициями, но и, проявляя известную гибкость, адаптировала их и включала в свой обиход.

Некоторыми исследователями матах воспринимается как признак “преemptивности между языческой и христианской обрядностью” и ассимиляции последней языческих традиций. Если традицию почитания святых мест относить к дохристианскому пласту религиозных воззрений, то матах являет собой “такую универсальную культурную форму, которая служила медиатором, копулой, связующей члены оппозиции в специфическую мифологему сакрального с различной семантикой: языческой (вне поселения) и христианской (внутри поселения)” (Барсесян, Мелконян 1983: 132). А.А. Одабашьян видела в почитании святых мест “проявление веры в силу заступников и посредников”, указывая, что древние места паломничества, получившие христианские названия, сохраняли черты и атрибуты древних святилищ (Одабашьян 1976: 131).

И.П. Петрушевский развивал мысль о том, что подобные традиции, в большей степени соответствовавшие образу жизни и мировоззрению крестьянина, существовали “под тонким слоем” христианства, которое так и не сумело занять прочных позиций в повседневной жизни карабахцев. Поэтому отход людей от церкви в советский период он посчитал относительно легким и быстрым. Рассуждая о сущности *сурбов*, С.Д. Лисицын также был склонен делать вывод об их связи с языческими пережитками, а именно культами природных сил. Однако такая точка зрения оставляет за скобками многовековой контекст их бытования – христианство и его “взаимоотношения” с этой традицией, развитие ее во времени и меняющемся историко-культурном контексте.

Анализируя такую оценку этих исследователей, нельзя не учитывать фактор гонений на церковь и упразднение Арцахской епархии – одну из причин отхода людей от церкви. Можно предположить, что сыграл свою роль и общий настрой в отношении религии, который, как показывает история отечественного кавказоведения довоенного периода, нередко вынуждал исследователей скрывать свои собственные религиозные убеждения, как это делал Е.М. Шиллинг (Махмудова 2013: 6–7).

На мой взгляд, фокусировка внимания на связи с язычеством затрудняет понимание значения таких памятников и связанных с ними традиций и обрядов в их современном бытовании, ведь мы имеем дело с живой традицией, выполняющей те или иные функции в жизни сообщества. Сам факт, что эта традиция дошла до наших дней, дает представление о ее значимости.

Как мне кажется, нет противоречия в сосуществовании христианских традиций и более древних, универсальных, адаптированных христианством, компонентов современных религиозных воззрений. Сохранившееся в рамках ААЦ жертвоприношение приобрело смысл благотворительного жеста. И если заклание животного происходит у внецерковных святых мест, то оно не осуществляется без соли, освященной в церкви. Потому и акцент на различном происхождении религиозных традиций конкретно в этом случае кажется мне затмевающим их реальную сущность и глубину. Поэтому, на мой взгляд, изучение традиции почитания святых мест – лишь одна из частных задач в контексте исследования всего комплекса современных религиозных практик.

* * *

Почитание *сурбов* – интересный и живой элемент современных религиозных практик, актуальная традиция, с которой связаны конкретные памятники, истории и легенды, обычаи и ритуалы. В силу известной изоляции и особого положения Нагорного Карабаха для *сурбов* характерна многозначность этнокультурных функций, а не только культово-религиозное значение.

Рассмотренные выше примеры памятников показывают, что сельские святыни – это не всегда что-то пришедшее из глубокой древности. *Сурб* – понятие, включающее не только конкретный материальный объект, но и представление о его святости, которое может появляться до возникновения материального объекта и исчезать, пока он еще существует. Оно распространяется не только на сельские святыни, но и на монастыри, церкви, отдельные хачкары.

“Набор” практик и ритуалов, связанных с *сурбами*, включает в себя матах с его разнообразными правилами, индивидуальное посещение *сурбов*, практику вотивных приношений и пр. Но самое важное функциональное назначение *сурбов* – служить местом для совершения матах.

Помимо религиозной функции святыни являются своеобразными общественными центрами, местами проведения досуга, некоторые – памятниками истории и культуры и туристическими объектами. Таким образом, значение *сурбов* не исчерпывается исключительно религиозной функцией, хотя она, безусловно, доминирует. Часто одно и то же место может совмещать в себе все эти функции (платан у села Схторашен).

Традиция почитания святых мест и жертвоприношения не является уникальной для Карабаха – она распространена по всей Армении, широко представлена как на Кавказе, так и за его пределами. Это говорит об универсальности данного явления, о том, что, возможно, его основание “кроется в самых общих особенностях религиозной психологии человека” (Панченко 1998: 61). Сохранившись у разных народов, традиция почитания сакральных объектов рассмотренного типа была по-разному переосмыслена с приходом мировых религий.

Рассмотренная в настоящей статье традиция требует дальнейшего изучения и осмысления не только в качестве самостоятельной проблемы, но и как один из элементов всего комплекса религиозных практик армян Нагорного Карабаха и Армении. Несомненно, требуется более глубокое изучение данной проблематики на современном полевого материала.

Источники и материалы

- Айкуни 2010 – Протоиерей Егшиш (Оваким) Гехамянци (Айкуни). Путевые очерки. Ереван: Организация по изучению армянской архитектуры, 2010 (на арм. яз.).
- Бархударянци 2009 – Бархударянци М. Арцах. Пер. с армянского Н. Алексаняна. СПб.: Наука, 2009.

- В Нагорном Карабахе 2012 – В Нагорном Карабахе освящена еще одна церковь // Еркрасмас. Публикация 23 февраля 2012 г. (www.yerkramas.org).
- Гандзакеци* 1976 – *Гандзакеци, Киракос*. История Армении. Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976.
- Израелов* 1892 – *Израелов Г.* Село Касапет Елисаветпольской губернии Джеванширского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. XIII. С. 42–58.
- Пастырь Арцаха 2007 – Пастырь Арцаха. Интервью с Паркевом Мартиросяном // Анив. 2007. № 6 (9) (www.aniv.ru).
- Список памятников 2011а – Государственный список недвижимых памятников истории и культуры Аскеранского района Нагорно-Карабахской республики. Степанакерт, 2011 (на арм. яз.).
- Список памятников 2011б – Государственный список недвижимых памятников истории и культуры Мартакертского района Нагорно-Карабахской республики. Степанакерт, 2011 (на арм. яз.).

Научная литература

- Антонян* 2012 – *Антонян Ю.Ю.* Целительство. Гадания // *Армяне* / Отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука, 2012. С. 445–450.
- Арутюнов* 2006 – *Арутюнов С.А.* Традиция жертвоприношения: общее и частное // *Расы и народы*. М.: Наука, 2006. Вып. 31. С. 13–19.
- Барсесян, Мелконян* 1983 – *Барсесян И.А., Мелконян Э.Л.* Символические аспекты функционирования сельских поселений // *Культура жизнеобеспечения и этнос* / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1983. С. 129–133.
- Басилов, Кобычев* 1976 – *Басилов В.Н., Кобычев В.П.* Николаи кувд (Осетинское празднество в честь патрона селения) // *Кавказский этнографический сборник*. Вып. 6. М.: Издательство АН СССР, 1976.
- Бобровников* 2006 – *Бобровников В.О.* Родовые святилища рутульцев: гибридная религиозность у мусульман Дагестана // *Религиозные практики в современной России* / Отв. ред. А. Агаджанян, К. Русселе. М.: Новое издательство, 2006. С. 236–253.
- Курбатов* 2002 – *Курбатов А.В.* Проблематика изучения природных историко-культурных объектов Восточной Европы на современном этапе // *Тверской археологический сборник*. Вып. 5. Тверь: Тверской государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей, 2002.
- Лисицян* 1992 – *Лисицян С.Д.* Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ереван: Издательство АН Армении, 1992.
- Лисицян* 1936 – *Лисицян С.Д.* “Святыни” у перевалов // *Советская этнография*. 1936. № 4–5. С. 200–212.
- Махмудова* 2013 – *Махмудова З.У.* Дагестанские экспедиции кафедры этнографии Исторического факультета МГУ под руководством Е.М. Шиллинга: творческий поиск, находки, результаты исследований // *Дагестанские этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга [1944–1946]* / Сост. З.У. Махмудова. М.: Три квадрата, 2013. С. 5–22.
- Мкртчян* 2010 – *Мкртчян А.А.* Общественный быт армян Нагорного Карабаха. Ереван: Гитутюн, 2010.
- Мкртчян* 1988 – *Мкртчян Ш.* Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван: Айастан, 1988.
- Мороз* 2009 – *Мороз А.Б.* Святыне Русского Севера. М.: ОГИ, 2009.
- Одабабян* 1976 – *Одабабян А.А.* Народные верования армян (По материалам рукописных талисманов XV–XIX вв.) // *Кавказский этнографический сборник*. Вып. 6. М.: Издательство АН СССР, 1976.
- Пантюхин* 2012 – *Пантюхин Д.А.* Коми-пермяцкий праздник Проллавер с обрядом Быкобой // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 1. С. 85–101.
- Панченко* 1998 – *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни северо-запада России. СПб.: Алетейя, 1998.
- Петров* 1940 – *Петров В.А.* Этноботаника Нагорного Карабаха. Баку: Издательство АзФАН, 1940.

- Петрушевский* 1930 – *Петрушевский И.П.* О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха // Известия Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. Историко-этнографическое и археологическое отделение. Баку, 1930. Т. 1. Вып. 5. С. 1–43.
- Платонов* 2013 – *Платонов Е.В.* Почитаемые камни в православной традиции на северо-западе России // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 130–144.
- Саакян* 1991 – *Саакян А.С.* Культ креста в контексте армянского народного христианства // Советская этнография. 1991. № 2. С. 61–70.
- Тер-Саркисянц* 2002 – *Тер-Саркисянц А.Е.* Полевые исследования в Нагорном Карабахе в 2001 г. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2002. С. 116–137.
- Grant* 2011 – *Grant B.* Shrines and Sovereigns: Life, Death and Religion in Rural Azerbaijan // Comparative Studies in Society and History. 2011. Vol. 53 (3). P. 654–681.

Article Summary

A.A. Bagdasarian. Pochitanie sviatykh mest u armian Nagornogo Karabakha v kontse XX – nachale XXI vv. [Worshipping Sacred Sites among the Nagorno-Karabakh Armenians in the late 20th – Early 21st Centuries]

Keywords: local sacred sites, folk religion, religious practices, Christianity, Armenians, Nagorno-Karabakh

Abstract: The article explores issues in the ethnographic study of religious practices among the Nagorno-Karabakh Armenians, taking the worshiping of local sacred sites as a case. The author discusses a range of notions related to these sites and describes some of the most important landmarks. Special attention is paid to the issue of use and significance of such landmarks, along with certain customs and rituals, in the folk traditional culture.

Authors: **Anait Bagdasarian**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: anaitbgd@gmail.com

References:

- Antonian Y.Y. Tselitel'stvo. Gadaniia. *Armiane*, ed. L.M. Vardanian, G.G. Sarkisian, A.E. Ter-Sarkisians. Moscow: Nauka, 2012, pp. 445–450.
- Arutyunov S.A. Traditsiia zhertvoprinosheniia: obshchee i chastnoe. *Rasy i narody*, vol. 31. Moscow: Nauka, 2006, pp. 13–19.
- Barsegian I.A., Melkonian E.L. Simvolicheskie aspekty funktsionirovaniia sel'skikh poselenii. *Kul'tura zhizneobespecheniia i etnos*, ed. S.A. Arutiunov, E.S. Markarian. Erevan: Izdatel'stvo AN ArmSSR, 1983, pp. 129–133.
- Basilov V.N., Kobychiev V.P. Nikolaii kuvd (Osetinskoe prazdnestvo v chest' patrona seleniia). *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*, vol. 6. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1976.
- Bobrovnikov V.O. Rodovye sviatilishcha rutul'tsev: gibridnaia religioznost' u musul'man Dagestana. *Religioznye praktiki v sovremennoi Rossii*, ed. A. Agadzhanian, K. Russele. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, pp. 236–253.
- Grant B. Shrines and Sovereigns: Life, Death and Religion in Rural Azerbaijan. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 53, 2011, pp. 654–681.
- Kurbatov A.V. Problematika izucheniia prirodnykh istoriko-kul'turnykh ob'ektov Vostochnoi Evropy na sovremennom etape. *Tverskoi arkhelogicheskii sbornik*, vol. 5. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi ob'edinennyi istoriko-arkhitekturnyi i literaturnyi muzei, 2002.
- Lisitsian S.D. "Sviatyni" u perevalov. *Sovetskaia etnografia*, 1936, no. 4–5, pp. 200–212.
- Lisitsian S.D. *Armiane Nagornogo Karabakha. Etnograficheskii ocherk*. Erevan: Izdatel'stvo AN Armenii, 1992.

- Makhmudova Z.U. Dagestanskije ekspeditsii kafedry etnografii Istoricheskogo fakul'teta MGU pod rukovodstvom E.M. Shillinga: tvorcheskii poisk, nakhodki, rezul'taty issledovaniia. *Dagestanskije etnograficheskie ekspeditsii E.M. Shillinga [1944–1946]*, ed. Z.U. Makhmudova. Moscow: Tri kvadrata, 2013, pp. 5–22.
- Mkrtchian Sh. *Istoriko-arkhitekturnye pamiatniki Nagornogo Karabakha*. Erevan: Aiastan, 1988.
- Mkrtchian A.A. *Obshchestvennyi byt armian Nagornogo Karabakha*. Erevan: Gitutiun, 2010.
- Moroz A.B. *Sviatye Russkogo Severa*. Moscow: OGI, 2009.
- Odabashian A.A. Narodnye verovaniia armian (Po materialam rukopisnykh talismanov XV–XIX vv.). *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*, vol. 6. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1976.
- Panchenko A.A. *Issledovaniia v oblasti narodnogo pravoslaviia. Derevenskie sviatyni severo-zapada Rossii*. St. Petersburg: Aleteiia, 1998.
- Pantiukhin D.A. Komi-permiatskii prazdnik Prollaver s obriadom Bykoboii. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 1, pp. 85–101.
- Petrov V.A. *Etnobotanika Nagornogo Karabakha*. Baku: Izdatel'stvo AzFAN, 1940.
- Petrushevskii I.P. O dokhristianskikh verovaniiax krest'ian Nagornogo Karabakha. *Izvestiia Azerbaidzhanskogo gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Vol. 1(5). Baku, 1930, pp. 1–43.
- Platonov E.V. Pochitaemye kamni v pravoslavnoi traditsii na severo-zapade Rossii. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 3, pp. 130–144.
- Saakian A.S. Kul't kresta v kontekste armianskogo narodnogo khristianstva. *Sovetskaia etnografia*, 1991, no. 2, pp. 61–70.
- Ter-Sarkisians A.E. Polevye issledovaniia v Nagornom Karabakhe v 2001 g. *Polevye issledovaniia Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN*. Moscow, 2002, pp. 116–137.